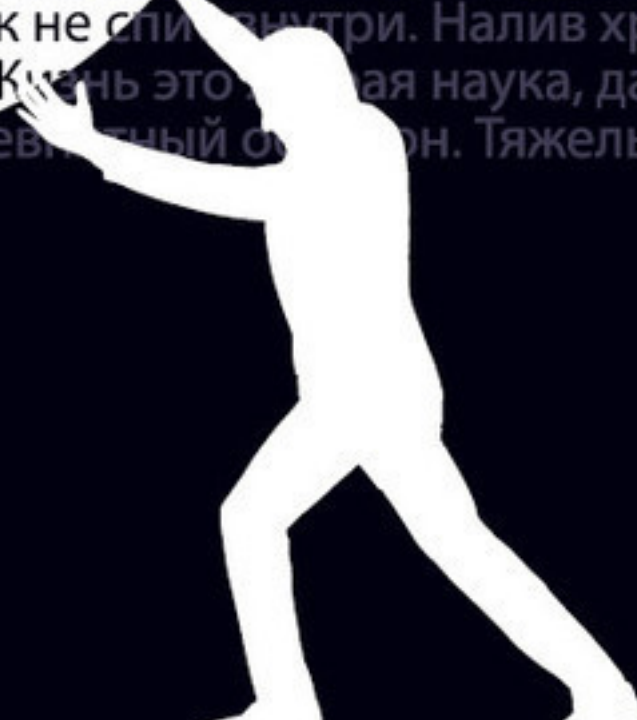

ИЗЯСЛАВ ВИНТЕРМАН

ЛЖЕВРЕМЯ

Ты не успел, и он грохочет д... ем, стреляет кобурой. Он
й под током слёз, а не 0,5. Сомкнется крúгом море капель, за
о не дал, сверлит мягчеющее темя, разогревает в горле ком.
й драит листьев медь – и к шести утра блестит округа. Он сч
ь зеленое назад, возвращая суть в обмен на время: радость
; то земельный, что на ярус ниже. Понимаю: никому не друг,
а, сад, увы, но скучный. И любовь дает понять что есть, но ка
озволяет пожить еще чем-то средним – между зимой и летом
жду женщиной и женой; Тонкорунным овном и серым волк
начиная путь по дороге вниз, жаль, что ближе к низу – мень
ку день расписан. Господь придет и спросит: «Гумберт Гумбе
е. Ошибка вышла, в ней не всё без тóлку. Но без любви, на
г, будто инспектриса, и совесть – престарелая актриса. И бог
любви, кто здесь мужчина?! И наслаждение или же страданье
яблочной диете Ева. Но червячок не спи... внутри. Налив хру
х, любить, но слать их на войну. Жизнь это... ая наука, дав
олос бога – глуше, глуше, почти нев... тный о... он. Тяжелым

Изяслав Винтерман

Лжевремя

ИП «Центр современной литературы»

Винтерман И.

Лжевремя / И. Винтерман — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-175-1

«Хоть на минуту мысленно присядьте...» Вот яблоко — образ узнаваемый и понятный. А что означают пол-яблока? А четверть? Многие стихи новой книги проделывают с читателем нечто похожее, предоставляя ему только часть образа в надежде, что остальное он отыщет в себе самом. В стихах чувствуются необходимая сжатость и насыщенность смыслом, требующие принять поэта и его поэзию как форму настоящей жизни, пусть даже и в «лжевремени». Художник Сергей Байтельман

ISBN 978-5-91627-175-1

© Винтерман И.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Лжевремя	5
«Кто ночь прожил – вставать не хочет...»	5
«Убивает другая жизнь, а вот эта...»	6
Отчасти	7
1	7
2	7
3	7
«На яблочной диете Ева...»	8
«Тяжелым цветением пахнет...»	9
«Я видел, как стучал в стекло...»	10
«Ветер бросается на окно, весь сотрясая дом...»	11
Диптих	12
1	12
2	12
«Кукурузные хлопья – хрустит листва...»	14
«Петербургские аллеи тяжелы...»	15
«Мне снились вопросы, но я не ответил...»	16
«Тоска придет и отнимет всех...»	17
«Нужно листьев палых собрать мешок...»	18
«Дождь меряет температуру...»	19
«Народ поет, хотя не может...»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Изяслав Винтерман

Лжевремя

Лжевремя

*Истинное время – это время творения,
время, пока стихотворение продолжается.
Только внутри него и стоит находиться.*

*«Снаружи падает снег, густеют сумерки,
и, в сущности, никто никого не любит...»*

«Кто ночь прожил – вставать не хочет...»

Кто ночь прожил – вставать не хочет.
По горлу ветер – дверь закрой.
Ты не успел, и он грохочет
дождем, стреляет кобурой.

Он обгоняет все машины
и поворачивает вспять.
Гнёт правду ветер камышинный
под током слёз, а не 0,5,

смыкает кругом море капель,
откатывает солнце вдаль —
где луч, как жалкий подражатель
тепла, которого не дал,

сверлит мягчеющее темя,
разогревает в горле ком.
...Неостановленное время
обвалится одним куском.

«Убивает другая жизнь, а вот эта...»

Убивает другая жизнь, а вот эта —
позволяет пожить еще
чем-то средним между зимой и летом,
между деревом и плющом;

Чем-то средним – между судьбой и долгом,
между женщиной и женой;
Тонкорунным овном и серым волком,
но в истории кружевной.

Отчасти

1

Господи, не дай мне умереть,
коли подарил земную шкуру.
Мне еще любить, еще мудреть,
мне еще искать свою Лауру!
Мне еще записывать слова,
что приходят ночью – отовсюду,
продлевая жизнь на миг лова...
Обещаю: мучиться не буду!

2

Человек от радости не спит.
Засыпает от переживаний.
Крутит боль свою, как Вессон-Смит,
убивая с помощью названий,

для печали подобрал слова...
Радость рассчитается слонами.
А ему б проснуться – чёрта с два! —
вещими пожертвовать бы снами.

3

Ледяная пустыня вокруг.
Свет намерз вековой толщиной,
даже лунку в окне не продышишь.
Душит и отпускает... Напишешь
обо мне? – Правды нет никакой.
Только к небу прижмешься щекой,
и – теплеет, и будто не слышишь
зов пустыни ледовой – на юг!

«На яблочной диете Ева...»

На яблочной диете Ева.
Но червячок не спит внутри.
Налив хрустит, а бог разгневан:
«Послушай, а не говори —

тебе рожать детей, да в муках,
любить, но слать их на войну.
Жизнь это хитрая наука,
давай незнание верну...»

Ладонями закроет уши,
зажмурится с набитым ртом.
И голос бога – глуше, глуше,
почти невнятный обертон.

«Тяжелым цветением пахнет...»

Тяжелым цветением пахнет —
цветением ночи с тобой.

Так густо, насыщенно, так не-
возможно – что рядом любой

почувствует страхи и страсти,
бесстыдного воздуха ток.

И ветер – дыханием частым —
погонит клубы на восток.

И мы понесемся долиной —
по острым ее позвонкам.

Ты будешь водою вдоль линий
любви, проведенных по нам.

«Я видел, как стучал в стекло...»

Я видел, как стучал в стекло
и гиб наверняка.
От облаков его несла наклонная река.

А я – свободный от огня,
от цвета вод с небес.
От глаз, спешащих отогна-
ть его от гиблых мест:

не важно, суша ли оно,
железная ль вода.
Из божьих дел удалено
различие, уда-

лена немалая их часть —
нет слов и сил на них.
Стучал в стекло, так постучать
мог только ты и ник-

то другой.

«Ветер бросается на окно, весь сотрясая дом...»

Ветер бросается на окно, весь сотрясая дом.
Ужас выдавливая из ног, радующих потом.
Только что возненавидя свет и отключая слух —
ветер отыгран сто раз, спет, и наизнанку – сух.

Кто же увидел в нем дождь, снег, новых уродств боль.
Ветер бросается зол, слеп – вырвавшийся коббльд.
Он обойдется без слов, ласк, день оборвав, связь.
Сколько бы ветром ты ни клялась, он в нашем окне увяз.

Диптих

1

Есть у нас дождик московский,
резкий, когда моросит.
Город светящийся, жесткий
диск на мгновенье висит

на волосках нервной ткани.
Светом пульсирует кровь.
Время в граненом стакане.
Грани играют любовь

к речи, пронизанной ртутью —
столбиком до сорока;
к речке – земли перепутью,
слишком земля широка;

к жизни – сухой или влажной
с вечной привязкой к местам.
Мир умирал, и не важно
что я сказал ему там,

что наливал ему – пили,
строчки какие читал.
...Если меня не любили,
значит, я сам перестал.

2

Жизнь обростает сентябрем.
Опущен, как в театре, занавес.
Он пылен, из него бьет гром,
он поднимается – всё заново.

Так действием заправляет Зевс!
И протекает жизнь культурная.
И слезы натуральны здесь,
а кровью – ленточка пурпурная.

Пусть нету связей смысловых
у времени для каждой мелочи,
но быются тысячи живых

в сетях дождя, плыть не умеючи,

сказать по делу, попросить,
покаяться жизнью! Третий занавес.

Московский дождик моросит:
что, мол, никто не держит зла на вас...

«Кукурузные хлопья – хрустит листва...»

Кукурузные хлопья – хрустит листва.
Дождь настроился и не ждет.
В темноте задыхается, мнет слова
и сильнее по мне идет.

Человек застывает, летит листва.
Сны в копье, пробужденья щит.
И желанье его умереть сперва
уживается с просьбой: жить!

И на фоне неба, дурного сна,
листьев, съеденных ртутной тлём —
он грустит острой, насмотревшись на
всех, не помня, какой он злой.

«Петербургские аллеи тяжелы...»

Петербургские аллеи тяжелы.
В бой – на желтое – бросается Нева,
на рассвет, мы только ожили,
чтобы чувствовать слова;

На слова – они щемящи и кислы,
будто кофе загустел во рту.
Стену, что напротив, перекрасили,
но глаза не видят, помнят ту.

Удивляешься: как слепы и глухи
те, кому бы слушать и смотреть.
И водой с песком – от шелухи
очищаем жизнь и даже смерть.

«Мне снились вопросы, но я не ответил...»

Мне снились вопросы, но я не ответил.
Присниться еще раз бы им.
И были в движении листья и ветви,
и небо казалось больным.

Я дальше молчать приготовился тоже,
к упрямому взгляду, как сталь.
Еще раз присниться бы им, я бы ожил,
и всех разговорчивей стал.

«Тоска придет и отнимет всех...»

Тоска придет и отнимет всех...
Приходит! – Страхом к твоему зайчишке!
И пыльный свет или пыльный мех
гасит звуки перед затишьем.

И всем, возможно, еще светло
и радостно, только мне – по-другому.
Как будто дождь, я стучу в стекло
с той стороны кругового дома.

В колодце воздуха, в злых стенах,
и звуки собраны в узел стоя.
Напрасно требовать и стенать,
молиться можно, но вряд ли стоит.

«Нужно листьев палых собрать мешок...»

Нужно листьев палых собрать мешок,
а потом караулить пьяных.
Это ветром качает кого?.. Смешок —
это чей злит других упрямых?..

И собака чья по косо́й: цок-цок,
на подпитии, в рваной шкуре?..
Будто в лужах заложен заряд – в лицо
он взорвется, когда закурят.

И тогда рассыплется осень в пух,
и опять разлетятся листья.
Соберешь в дырявый мешок испуг
здесь, на месте кровопролитья.

«Дождь меряет температуру...»

Дождь меряет температуру
осевшим башням и мостам.
Живую с мертвою натуру
разводит по своим местам.

И мы схватились бы за воду,
не будь небес, не будь земли.
Назло короткому заводу
и дождь идет, и мы бы шли

спасением от лихорадки,
горячки и разбитых снов.
От лба отскакивают прядки,
и тело прочь из берегов.

Нам рано расставаться снова
и больно продолжать вдвоем.
Но никому, поверь на слово,
мы больше не нужны живьем.

«Народ поет, хотя не может...»

Народ поет, хотя не может
не знать, как плохо он поет.
На головную боль умножит
душевную, и не поймет.

В нем каждый хочет быть собою,
точнее, вытеснить меня.
Я мучаюсь, прожекты строю:
заткнуть их, но они – родня!

«Врача, пожарника, юриста!..»
Кто б умереть быстрее помог.
Без слов и музыки так чисто —
не слышно или дышит бог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.